

ИСКУССТВО

L'ART
die Kunst

5-6

1 9 2 9

ДОКУМЕНТЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

МОИ ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ

из воспоминаний

1893 год — это год моей первой встречи с Антоном Павловичем Чеховым. Знакомство произошло неожиданно и доставило мне много радости. Дальнейшие десять лет встреч с любимым писателем были годами и крепкой взаимной дружбы.

Как же состоялось первое знакомство? Я только что отыграл один из моих водевилей — „С места в карьер“ — в театре Ф. А. Корша. Это был мой первый сезон в этом театре, и я выступал почти исключительно в водевилях. После антракта появился за кулисами А. П. Чехов. Пришел в уборную познакомиться.

— А знаете, — сказал он мягко улыбаясь мне, — глядя на вашу игру, мне хочется написать водевиль, который кончается самоубийством...

И немного погодя, после паузы:

— Очень хорош в вашем сапожнике — крик: „ма-а-мка!“

Я ответил:

— Спасибо вам, Антон Павлович, за похвалу, но эту фразу... я украл у вас...

— Откуда?

— Из вашего рассказа „Детвора“... О беглеце, мальчике в больнице...

— Вот как, разве у меня есть такой рассказ?.. Не помню...

Более близкие встречи с Антоном Павловичем начались у меня позже, Чехов много раз убеждал меня оставить „разбросанную жизнь“. Узнав о состоявшемся моем знакомстве с Константином Сергеевичем Станиславским, он долго уговаривал меня — пойти на работу к „художникам“.

— Там вы себя найдете. Константин Сергеевич поможет вам, я несколько раз говорил с ним об этом.

Антону Павловичу я ответил то же самое, что несколько ранее просил К. Д. Набокова передать и самому Станиславскому.

— Я боюсь могучего влияния Константина Сергеевича.

В этой же беседе со мной Антон Павлович сказал:

— Вот бы вам, Орленев, сыграть с моей женой¹ „Привидения“. Какой бы это был спектакль...

Вскоре я отправился в поездку по провинции. Началась она в мае и закончилась в средних числах августа. После поездки я попал в Ялту, где выступал в спектаклях со сборной труппой.

Часто бывал у Антона Павловича. С ним себя чувствовал легко и свободно, несмотря на все мое пред ним преклонение.

Антон Павлович заставлял меня рассказывать ему анекдоты из быта актерской братии, которую он любил. Бывало, если я два дня к нему не являлся, он звонил в аптеку Левентона, у которого я снимал комнату, и спрашивал:

— Где Орленев? Скажите, чтобы приходил ко мне. Не все ли ему равно, где пить... Красное вино его подогревается, и папиросы „Гвардейские“ ждут его на окне.

Я обыкновенно сидел на подоконнике, а Антон Павлович — в нише на

¹ Артистка Моск. Худ. теат. О. Л. Книппер.

кушетке. Когда я был в ударе, я рассказывал ему веселые истории, а будучи мрачным—про „мрачное“, про жизнь актеров. Он слушал меня очень чутко и по временам что-то записывал в свою книжку. Около него, на кушетке, лежало много приготовленных из бумаги колпачков, и он отплевывался в эти колпачки, бросая их в корзину.

Антон Павлович всегда, когда ему нездоровилось, говорил:

— У меня что-то с желудком...

Как часто я бывал виноват перед ним, отравляя жизнь визитерами, присутствие которых его тяготило. Но ничего нельзя было сделать. Меня, ведь, тоже осаждали. Помню—одно время в Петербурге я жил в большой квартире С. С. Трубачева—друга нашего Малого Театра (суворинского). Трубачев, будучи в Ялте, просил меня оказать ему громадную услугу—познакомить с Антоном Павловичем.

— Я только посмотрю на него и пожму ему руку.

Мне трудно было ему отказать. Антону Павловичу же я объяснил, что в Петербурге живу у Трубачева.

— Сделайте это для меня—просил я Чехова.—Трубачев хороший, душевный человек.

Антон Павлович задумался, посидел, сплюнул в свою бумажку и сказал:

— Слушайте, Орленев, разве может быть редактор „Правительственного Вестника“ хорошим человеком?

— Я ответил ему, что Трубачев является в то же время редактором отдела иностранной литературы в издательстве Пантелеева, что он, нуждаясь в заработке, пошел в редакторы правительственного органа, за что немало сам себя презирал.

Трубачева я все-таки к Антону Павловичу привел. Он произвел на него благоприятное впечатление, я же, немедленно воспользовавшись этим, стал уговаривать Антона Павловича принять еще одного моего большого друга, с которым я, до поступления на сцену, играл в де-

ревне. Это был актер Виктор Бежин. Антон Павлович старался быть умолим, но я поймал его на том, что Бежин, только что закончивший сезон в Харькове, рассказывал мне много интересного о постановках „Чайки“ и „Дяди Вани“—с такими исполнителями, как П. В. Самойлов в роли Астрова и Ив. М. Шувалов—дяди Вани.

Антон Павлович промолчал. Молчание я принял за согласие, и на другой день я привел к нему Бежина. Чехов много с ним говорил и меня не ругал за то, что я привел к нему этого гостя.

В эти же дни меня буквально одолевали родственники аптекаря Левентона, прося помочь поступить в гимназию очень способному мальчику, получившему на экзаменах круглую „пятерку“. Его, как еврея, не принимали. Просьба была вызвана приездом в Ялту инспектора одесского учебного округа—Сольского. Родные мальчика-еврея были уверены, что, если Антон Павлович скажет Сольскому хотя бы одно слово, тот для него „все сделает“. Мне были обещаны за это всяческие награды—шампанское, ликеры, но я лично хотел одного: показать им „свое влияние“.

Однажды утром, узнав, что Сольский находится у Антона Павловича, я решился на большую дерзость. Родным мальчика я заявил:

— Сейчас отправляюсь к Антону Павловичу. Вы же приезжайте в Алупку через полчаса и вызовете меня, как будто бы по делу.

Так и произошло. Я сидел в кабинете вместе с Антоном Павловичем и Сольским, когда вошла сестра Чехова Мария Павловна, и сообщила, что к Орленеву „кто-то приехал“... Я вышел „на одну минутку“ в переднюю и, зная, что сегодня Антон Павлович в очень хорошем расположении духа, немедленно привел мать с сыном к нему в кабинет и позволил себе сказать Антону Павловичу: Это вот—моя к вам просьба.

Старуха, мать будущего гимназиста, так умоляюще посмотрела на Антона Павловича, что тот, обратившись к инспектору учебного округа, сказал:

— Слушайте, сделайте что-нибудь для этого мальчика, у него ведь круглые пятерки.

Сольский согласился принять их на другой день в гостинице. И мать

и сын радостно уехали. Я просидел с Чеховым еще часа два, а затем вернулся домой.

Свою комнату я нашел уставленной пышными цветами.

На другой же день ко мне опять пришли родители мальчика, которые, получив „согласие“ на прием его в гимназию, меня благодарили.

*

Но не только одни „огорчения“ доставлял я Антону Павловичу. Когда я был в ударе, повторяю, я ему рассказывал о пережитом. Помню, как он искренне смеялся, когда я рассказывал ему об актерах прежнего времени.

Вот, например, один из моих житейских анекдотов.

Некий актер получил от матери из деревни—железных дорог тогда не было—целых пять рублей. Актер это был небольшой, но пьяница огромный. Получив деньги, он позвал хозяйку, отдал ей два рубля долгу, два рубля велел спрятать и выдавать ему не иначе как только на еду, а на оставшийся у него целковый решил устроить праздник. Хозяйке было велено „закупить“: пять огурцов, селедку, два яблока и две бутылки коньяку популярнейшей марки „Яффа“. Это был знаменитый напиток, от которого человека бросало из стороны в сторону. Актер внушал хозяйке:

— Принесите все это и уберите, пожалуйста, все столы и стулья из комнаты, чтобы не ушибиться.

Особенно сильно действовал коньяк на другой день: голова не работала совершенно, язык не повиновался. Но в городе, где играл актер, была знаменитая будочка, а в ней продавался „сантуринский“ квас. Всего в нем было намешано, вплоть до селитры, как утверждали старожилы. Актеры на другой день после пьянки, отправляясь на репетицию, приходили к этой будке и требовали бутылку кваса. Будочник спрашивал:— „А вас сколько?“— „Двое“. Следо-

вал ответ: „В таком разе—нельзя“.— „Почему?“ — „Этот квас только втроем пить можно... один пьет, а двое его за голову держут, очень уж квас сильный“.

Еще рассказ—о „расстриженном“ попе, о том, как актеры в пьяном виде уговорили священника, счастливого обладателя густой октавы, бросить это свое занятие и идти в „актеры“, где он будет зарабатывать „грамадные деньги“. Тот согласился. Актеры, не теряя времени, достали ножницы, поочередно обкарнали бороду и длинные волосы попа. Попойка кончилась. „Поп-расстрига“ ушел домой, но часов в шесть утра—стук в комнату актеров: „Пустите, я у вас доночую, из дома выгнали, ни жена, ни дети, ни теща не узнали“...

Помню однажды я обедал у Антона Павловича. Обедал у него также Максим Горький. Антон Павлович ел, как всегда, теплый суп. Горячего он боялся, считая это вредным для своего желудка. Кто-то из присутствующих за столом налил себе квасу. Антон Павлович вдруг поперхнулся ложкой супа, встал из-за стола, откашлялся. Потом, сев на свое место, сказал:

— Это из-за вас, Орленев. Я вспомнил—как квас втроем пьют.

Хочется здесь упомянуть и о таком случае. Как-то раз вечером был я у Антона Павловича. Приехал и Горький. Мария Павловна заказала две корзины пива. Жара была нестерпимая, и мы с Алексеем Максимовичем „приналегли на пиво“. Неожиданно пошел сильный дождь, и

Антон Павлович предложил нам у него заночевать. Ложился он очень рано. Горький и я отправились в отведенную нам на антресолях комнату, спать не хотелось. Горький сказал:

— Хорошо бы еще пива выпить...

Я спустился на цыпочках по лестнице, зажег спичку и стал шарить под лестницей, где стояли корзинки с пивом. Захватил две бутылки подмышками, по одной в руки, и принес добычу в комнату. Штопор был всегда при мне—это считалось актерской присягой, как у солдата—галстух... Много раз в эту ночь мы спускались с Горьким по лестнице, возвращаясь... с бутылками. Алексей Максимович в эту ночь с большим подъемом говорил о Нижнем Новгороде, где одно время он был при-

сяжным заседателем; рассказывал об уголовных делах.

На утро головы наши были „ужасно туманны“, хотелось выпить глоток пива, чтобы поправиться. Наступило время завтрака. Антон Павлович предложил за завтраком выпить пива. Мария Павловна ушла за бутылками, а пока она ходила, мы с Горьким смущенно переглядывались. Но вот наступил момент возвращения Марии Павловны.

— Странно, обратилась она к Антону Павловичу,—вчера были две корзинки пива, а сегодня одни пустые бутылки.

Горький сильно покраснел, но, не теряя самообладания и ни на кого не глядя, сказал: А это мы с Орленевым вчера разговорились...

*

Антон Павлович Чехов просил меня поставить спектакль в пользу санаториев для туберкулезных, где он состоял председателем.

Незадолго до этого я встретил актера Любского. Анатолий Клавдиевич Любский когда-то гремел в провинции, особенно в приволжских городах. Он был исключительно гастролером, в полном смысле олицетворяя собой Геннадия Несчастливцева: ходил из города в город и покорял своим талантом театры и публику. Это был человек пламенный и на сцене, и в жизни: он все прокучивал, иногда появлялся на сцене в таком пьяно-скандальном виде, что не доигрывал спектакля. Часто в гриме и в костюме попадал в полицию—вытрезвлялся здесь и пешком уходил в ближайший город. Придет в город—и прямо с котомкой в театр, на сцену, со словами:

— Дайте богатцы заглотать бедному агтисту... (Он не выговаривал буквы „р“, но это выходило у него достаточно красиво).

Припоминается мне его последний скандал в Москве, где он играл в театре „Скоморох“ М. А. Лентов-

ского. После спектакля отправился он с друзьями в ресторан Саврасенкова на Тверском бульваре. Там они сильно подвыпили и, когда за соседний столик уселась компания купцов, и один из них перед закуской стал креститься на икону божьей матери, Любский, обратясь к нему, громко произнес: „Чего ты, дугак, кгестишься, эта богогодица ко мне в Сагатове в ноемега ночевать пгиходила...“ Купцы возмутились, послали за полицией. Составили протокол, Любского отправили в участок, а на следующий день, несмотря на заступничество Лентовского, выслали из Москвы.

Я часто встречался с Любским до Ялты. Приводил его к себе домой и, когда он бывал трезвым, много почерпнул от неизмеримой силы этого духовно-униженного, но огромного артистического таланта. Бесконечно обрадовался я встрече с ним в Ялте. Получив предложение Чехова, я обратился к Любскому с просьбой принять участие в предполагаемом спектакле. Он с радостью дал свое согласие, заявив, что может сыграть одну сцену из „Скупого рыцаря“

Пушкина. Согласился также взять на себя роль дедушки в водевиле „Школьная пара“.

Между прочим, в разговоре с Любским я спросил: „Как это вы, Анатолий Клавдиевич, с таким небольшим ростом играете Отелло и Макбета?“ Он ответил: „Догогой мой, я гасту, когда иггаю“.

Я приехал к Антону Павловичу с радостным известием об участии в спектакле Любского.

Чехов огорошил меня словами: „Слушайте, не связывайтесь вы с этим пьяницей—он вам все дело загубит“. Я ему говорю: „Не беспокойтесь, Антон Павлович, я буду следить за ним и караулить“.—„Ну вот вместе и напьетесь“, последовал ответ Антона Павловича. „Ведь вы, актеры, точно малые дети“.

— Кстати, знаете ли вы, Антон Павлович, как угадали. „Давайте играть в актеров“, говорят дети,—„давайте, давайте!“—„А как?“—„Перепьемся, передеремся и ляжем спать“.

— Ну, смотрите, чтобы и вы с Любским точно так же не сделали...

В конце концов я взял спектакль под свою ответственность.

Перед самым началом спектакля Любский отвел меня в сторону и стал умолять—позволить ему выпить большую рюмку коньяку, убеждая меня тем, что он много лет не играл и очень волнуется. Я разрешил, он выпил и пошел играть. Стоя за кулисами, я все время следил за игрой Любского, захватившего меня своей мимикой, жестами, толкованием роли.

Весну 1904 года мы встретились в Крыму. Я послал из Севастополя телеграмму в Ялту, где постом должен был играть, Антону Павловичу Чехову, прося притти его на „Привидения“.

После второго акта он зашел ко мне в уборную. Спросил, где я буду на страстной.

— Играть ведь все равно нельзя, так не приедете ли вы ко мне?

И когда, после сцены из „Скупого рыцаря“, Антон Павлович пришел в уборную, я увидев его, торжественно воскликнул:

— Ну что, Антон Павлович, видите—полная победа.

Чехов вновь огорчил меня ответом, заявив, что он сидел в первом ряду и все же ничего не разобрал из слов Любского.

— У него, знаете, какая-то неясная речь, он все время шамкает...

На это я ответил, что нужно утешиться хотя бы тем, что Любский с голоду не пропадет, если у него во рту каша. Чехов улыбнулся и что-то занес в свою записную книжку. Он часто делал отметки после моих рассказов.

Однажды сижу я у Антона Павловича. Вдруг—звонок по телефону. Зичи—он же студент Авдеев, он же впоследствии „Дядя Пуд“—предлагает устроить два спектакля в Гурзуфе. Говорит по телефону, что за театр необходимо внести 50 рублей, а на остальные расходы—афиши и прочее—требуется еще 50 рублей.

Антон Павлович сказал: „Слушайте, я бы вам дал денег, но ведь вы их пропьете и никакого спектакля не устроите“. Я убедил его, что спектакли состоятся, и я ему сейчас же, как только сыграю, с большой благодарностью возвращу деньги. Антон Павлович дал мне 100 рублей, прося возвратить их непременно и прибавил, что денег у него очень немного. Несмотря на это денег Антону Павловичу я тогда не отдал.

*

Я, конечно, с радостью и благодарностью согласился. Тут же отдал я ему 100 рублей, которые брал для Гурзуфа.

Едучи на страстной в Ялту, в Феодосии я встретился там с Николаем Георгиевичем Михайловским-Гаринным, который усиленно советовал мне обязательно купить клочок земли в Верхней Алушке. Сообщил мне,

что решено провести железную дорогу Ялта—Симферополь. И, таким образом, если я куплю за бесценок участок, то через два года стану богачом. Я обещал ему подумать. На другой день по приезде, отправился к Антону Павловичу и рассказал ему о предложении Гарина. Чехов стал буквально настаивать на том, чтобы я приобрел клочок земли и сказал мне, что по соседству с ним продается как раз 2.400 кв. сажен. Затем к нему приехал Гарин-Михайловский, и оба принялись убеждать меня—стать богатым виноградарем и разводить табак.

На другой день мы поехали с Н. Г. Гариным осматривать продающиеся участки. Помню—Антон Павлович трогательно советовал, чтобы я узнал, есть ли на этом клочке вода, годная для питья, и тут же, взяв у меня записную книжку, отметил в ней собственноручно: „Смотрите ж, не забудьте про питьевую воду“...

Купил я клочок земли и внес полторы тысячи, а остальные деньги должен был отдать при совершении купчей, через два-три месяца. Приехал сказать о покупке Антону Павловичу и объявил, что землю надо вспрыснуть, что я пойду в курзал и выпью там бутылку Мумма. Антон Павлович в ответ рассказал мне о том, как он, придя домой из душного курзального театра, где он смотрел нас в „Привидениях“, сильно захотел выпить шампанского.

— Вы так соблазнительно и вкусно, залпом выпили вино на сцене, что я, приехав к себе, даже не пожалел маму разбудить и попросил ее дать мне шампанского, что осталось у нас от праздника. Я также хотел выпить залпом. Но, увы, мама принесла мне целую бутылку, а вы ведь полбутылки выпили... Ну, я и не решился.

Почти всю неделю я не расставался с Антоном Павловичем. Он меня спрашивал, что я думаю делать дальше. Я рассказал, что в пятером поедем за границу и будем там играть „Привидения“ и „Ради счастья“.

На другой день Антон Павлович сказал мне:

— Послушайте, Орленев, хотите—я для вас пьесу напишу?

Сперва я подумал, что он шутит, но он меня уверил, что давно ко мне приглядывается и действительно хочет написать пьесу, тем более, что ему будет гораздо легче писать для заграницы—без цензурного гнета.

— Вам хочется в трех актах и пять действующих лиц? Ну хорошо... Когда вы едете?

— Думаю—в начале сентября.

Разговор у нас происходил постом. Когда я приехал к Антону Павловичу прощаться, он мне сказал:

— Не беспокойтесь, Орленев, пьеса будет готова к сроку... И знаете, как она будет называться.

Я ответил: „Вам лучше знать“.

На что он сказал мне, что назовет ее „Орленев“.

Это были последние его слова, которые пришлось мне услышать.

В конце лета Антона Павловича не стало...

Есть письма Чехова в издании Марии Павловны, его сестры. В шестом томе прочел я его письмо к брату в Таганрог:

„Орленев приедет в Таганрог, зайди к нему, скажи, что его просьба будет исполнена“...

Я всю мою жизнь чувствовал и буду чувствовать благоговейную признательность за те минуты с Чеховым, которые мне были даны, за те часы, которые мне довелось провести с благороднейшим человеком—большой, изысканной и чуткой души.

Народный Артист Республики ПАВЕЛ ОРЛЕНЕВ

*